

УДК 811.161.1

**ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО
В ЯЗЫКЕ РОМАНА «ВОЙНА И МИР»¹**

Ключевые слова: ценности, текст, лексика, семантика, оценочность.

В статье рассматриваются лексические способы выражения ценностной системы мировоззрения Л.Н. Толстого в тексте романа «Война и мир». Слова морально-этической семантики анализируются с точки зрения их смысловых и стилистических преобразований в идиостиле писателя. Характеризуются отдельные философские концепции, ставшие источниками аксиологического наполнения романа.

Применительно к роману «Война и мир» аксиологические категории могут быть рассмотрены многослойно. Верхний уровень составляют ценности героев произведения, которые отражаются в третьеличном нарративе, посвященном их поведению, в воспроизведении прямой и несобственно-прямой речи (диалогов и монологов, внутренних размышлений). На более глубоком уровне находятся ценности авторского мировоззрения, которые проявляются несколько сложнее – не только в знаменитых авторских комментариях к историческим событиям, но и в самой композиции произведения (его глобальной архитектонике), в подборе художественных средств и деталей предметной изобразительности, а также в построении сюжета, который, как хорошо известно, не во всем соответствует исторической реальности, а носит отпечаток творческого подхода писателя. Наконец, особый ярус составляют общественные ценности эпохи написания произведения, ценности поколения первых его читателей, с которыми Лев Толстой соглашается или полемизирует и которые, как правило, становятся предметом специального обсуждения во многочисленных рецензиях на эпопею Толстого (напомним, что в восьмитомном дореволюционном сборнике В.А. Зеллинского «Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого» статьи современников о «Войне и мире» занимают 4 тома).

Каждый из названных выше пластов изучен неравномерно, но так или иначе затронут филологией. Мы постараемся обратить внимание на ценности каждого уровня, но в особом ракурсе – лингвистическом. Не вызывает сомнения, что ценностная система произведения зафиксирована и отражена в первую очередь языком. И речь идет не только о лексике морально-этической семантики, но и о словесной ткани произведения в целом, в которой любое слово по желанию автора может становиться аксиологической характеристикой (когда, по замечанию Б.А. Ларина, возникает «психический эффект возникновения обертонов смысла» [1, 36]). Для творчества Толстого это характерно в самой значительной мере, потому что ему на разных этапах творчества было свойственно собственное преломление общепринятых (узуальных) значений многих слов и привнесение в них самых разнообразных новых оттенков. Как правило, эти оттенки носят оценочный, ценностный характер. Вот на это и хотелось бы обратить внимание, рассуждая о ценностной системе крупнейшего романа Л.Н. Толстого.

Отталкиваясь все-таки следует от морально-этических категорий, имеющих непосредственное лексическое выражение. С первых страниц произведения читатель погружается в мир постоянных нравственных оценок происходящего. Их дают герои друг другу и автор – героям, они отражаются в толстовских пояснениях к диалогам и в самом романном нарративе. Так, в авторских ремарках к разговору Анны Павловны Шерер и князя Василия Курагина, которым открывается произведение, заявлено важное в перспекции всего романного действия противопоставление принимаемых и отвергаемых Толстым духовных (внутренних) и поведенческих (внешних) ценностей. По замечанию Толстого, князь Василий говорит тем тоном, в котором «из-за **приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка**»². Аксиологическая антитеза, подобная приведенной, станет стержнем всей толстовской эпопеи, причем (и об этом исследователями говорилось не раз) устоявшиеся общественные ценности чаще всего воспринимаются Толстым в негативном ключе, в то время как отторгаемые, гонимые и не принимаемые обществом (в первую очередь высшим) ценности изображаются автором как достойные внимания и уважения.

Высший свет и все его нравственные ориентиры вызывают отрицательное авторское отношение, которое поступательно (с первых слов произведения) передается читателю посредством ука-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00008.

² Здесь и далее все выделения в цитатах из романа принадлежат автору статьи. Текст приводится по изданию, указанному в списке источников.

зания на лживость и ханжество этого мира. Толстой избирает с данной целью тот лексический прием, который станет опознавательным признаком его авторского стиля при изображении дворянских кругов. Этот прием состоит в обесценивании «высоких» слов, а иногда и в прямой негативации их смысла, когда речь идет о представителях дворянства. Нравственные ценности у большинства подобных людей отсутствуют, а потому лексика морально-этической семантики в их речи существует как пустой знак. В частности, та же А.П. Шерер, рассуждая о своем внутреннем состоянии в связи с известиями об обострении политических отношений между Россией и Францией, заявляет, что она не может быть здоровой, когда *«нравственно страдает»*. Из хода повествования, из поведения и разговоров самой героини становится вполне очевидным, что никакие страдания ее не тревожат. Мало того, Толстой достаточно скоро подводит читателя к пониманию того, что людям, подобным Анне Павловне и князю Василию, такие чувства вообще не свойственны. Но «высокие» слова (о себе и своих высокопоставленных покровителях) при этом они употребляют очень часто. Например, деятельность Александра I в интерпретации А.П. Шерер выглядит как *благодетельная, добродетельная, самоотверженная*, что без дополнительных авторских комментариев воспринимается читателем в негативном смысловом плане.

Еще одним языковым приемом превращения ценностей в антиценности применительно к светскому обществу становится у Толстого подчеркивание (через сравнения и метафоры) механистичности, автоматичности поведения героев, превращение их речевых формул в бессмысленные стереотипы. Вспомним сравнение речи князя Василия с ходом заведенных часов, когда герой говорит *«вещи, которым он и не хотел, чтобы верили»*, или разговоры в салоне А.П. Шерер, уподобленные механическому шуму веретена – *«Вечер ... был пущен. Веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели»*. Подобным образом оценивается и напускной энтузиазм Анны Павловны. Этот энтузиазм, участие в других людях, как и все, что она говорит (включая нравственные оценки), лишены реального смысла и совершаются как бы сами собой, бесконтрольно уму и сердцу, *«чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее...»*

Уже с первых страниц романа Толстой вводит в характеристику своих героев понятия естественности и неестественности. Эти понятия приобретают в языковой системе романа значение аксиологических категорий. Большинство дворян высшего круга в изображении Толстого выглядят крайне неестественными, точнее сказать, неестественность является их естеством (в отличие от героев, которым Толстой искренне симпатизирует). В такой системе координат проявление подлинных чувств, живые эмоциональные реакции, сиюминутный отклик на происходящие события выглядят индикаторами человеческой сущности героев. Так, для князя Василия проявление подлинных чувств неестественно и неприятно изменяет даже его внешний облик. Вспомним его искреннее беспокойство о собственном авторитете в связи с беспутным поведением младшего сына. Толстой дает к этому показательное объяснение, в котором и проявляется та интерпретация естественности, о которой мы говорили выше: *«Ипполит по крайней мере покойный дурак, а Анатолий – беспокойный. Вот одно различие, – сказал он, улыбаясь более неестественно и одушевленно, чем обыкновенно, и при этом особенно резко выказывая в сложившихся около его рта морщинах что-то неожиданно-грубое и неприятное»*.

Так, в толстовском языковом стиле при характеристике морально-этических ценностей возникают лексические сочетания рода оксюморонов. В приведенном выше отрывке это сочетание *неестественно и одушевленно*. Для князя Василия и людей, ему подобных, подлинное одушевление является неестественным. Из этого вытекает семантическая негативация и добавление отрицательной оценочности многим лексическим единицам нравственно-этического порядка, если они участвуют в характеристике особ светского круга. Так, движения того же князя Курагина Толстой характеризует оксюмороном *фамильные грациозные*, который возникает именно потому, что узуально положительная оценочность у прилагательного *грациозные* применительно к этому герою становится отрицательной. Таким образом, перед нами только внешний оксюморон, воспринимаемый таковым в общей системе языка; в идиостиле же Толстого оба слова функционируют как одинаково негативные по оценочности.

Подобный узуальный оксюморон, превращающийся у Толстого в синонимический ряд, не раз встречается в романе и всегда связан с обесцениванием общественно значимых ценностей, которые для Толстого не являются таковыми. Например, прилагательное *значительный* применительно к положению и выражению лиц крупных государственных деятелей приобретает антонимичное узуальному значение – ‘ничего не выражающий, пустой’. В изображении военного совета перед Аустерлицким сражением есть такая показательная языковая деталь: *«Ланжерон поднял глаза вверх с выражением недоумения, оглянулся на Милорадовича, как бы ища объяснения, но, встретив значительный, ничего не значащий взгляд Милорадовича, грустно опустил глаза...»*

Чувства и умозаключения героев, которых Толстой не осуждает, как правило, наделены свойствами предельной естественности. При их изображении автор не делает комментариев, свидетельствующих о вторичных, подспудных смыслах, представляя все «в прямой перспекции». В первую очередь это касается Болконских. Старый князь открыто заявляет о своих жизненных принципах, которых строго придерживается: «... *есть только два источника людских пороков: **праздность** и **суеверие**, и ... есть только две добродетели: **деятельность** и **ум***». Текстуальные значения выделенных слов в точности совпадают с узуально-языковыми. Речь князя афористична и четка в определении сути разговора, а потому не нуждается ни в каких дополнительных разъяснениях. Так, на вопрос сына о здоровье старый князь отвечает: «***Нездоровы, брат, бывают только дураки да развратники, а ты меня знаешь: с утра до вечера занят, воздержан, ну и здоров***».

В образах уважаемых автором персонажей отсутствует желание казаться не тем, чем они являются на самом деле. Их поступки и утверждения максимально искренни, а соответственно, лексика в их прямой и несобственно-прямой речи, а также в авторском нарративе о них употребляется в общепринятых значениях. Так, взгляды Н.А. Болконского на политику характеризуются Толстым совершенно в ином ключе, чем взгляды посетителей великосветских салонов. Здесь хотя и есть отдельные грубые слова и нескрываемый сарказм, но прочитывается прямота и подлинность эмоций: «*Старый князь, казалось, был убежден не только в том, что все теперешние деятели были мальчишки, не смыслившие и азбуки военного и государственного дела, и что Бонапарте был ничтожный французишка, имевший успех только потому, что уже не было Потемкиных и Суворовых противопоставить ему; но он был убежден даже, что никаких политических затруднений не было в Европе, не было и войны, а была какая-то кукольная комедия, в которую играли нынешние люди, притворяясь, что делают дело*». И при всей резкости подобных суждений, отличающихся от напускной светскости политических разговоров в салоне Шерер, именно они видятся автору заслуживающими уважения. Свои ценностные приоритеты автор формулирует в комментарии, посвященном поведению князя Андрея за столом в доме отца: «*Князь Андрей слушал, удерживаясь от возражений и невольно удивляясь, как мог этот старый человек, сидя столько лет один безвыездно в деревне, в таких подробностях и с такою тонкостью знать и обсуждать все военные и политические обстоятельства Европы последних годов*».

Ростовы, в отличие от Болконских, в языковом отношении характеризуются несколько сложнее. Здесь лексическая однозначность проявляется далеко не всегда. Однако даже если речь идет о сложных чувствах и переживаниях или о каких-то скрываемых за внешними эффектами истинных намерениях, Толстой использует несколько словесных характеристик, поставленных в ряд, но не опровергающих друг друга и не вуалирующих истинного значения. Во всех подобных случаях ценностный критерий искренности и истинности (отсутствия ханжества и лицемерия) проявляется в полном объеме. Так, графиня Ростова, уставшая от посещения гостей в именинный день, испытывает смешанные, но искренние чувства: «*Графиня глядела на гостью, приятно улыбаясь, впрочем, не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостья поднимется и уедет*». Таким же образом характеризуются и чувства старого графа в связи с отъездом Николая Ростова в действующую армию: «*... пожилая плечами и говоря **шуточно** о деле, которое, видимо, стоило ему много **горя***».

В аспекте ценностей эпохи роман Толстого, по мнению Б.М. Эйхенбаума, нужно рассматривать параллельно с наиболее значительными концепциями исторического движения (и войн в частности), которые были популярны в 1860-е годы. Эйхенбаум проанализировал роман Толстого на фоне трактата французского философа, политика, экономиста П.-Ж. Прудона «Война и мир» (1861) и теософских воззрений сардинца Ж. де Местра (1753–1821). Отрицательная оценка личности Наполеона Прудоном и так называемое «обожествление» войны де Местром становятся отправными точками развития исторической концепции Толстого. В частности, мысль о том, что «война божественна в самом своем возникновении; она возникает не вследствие произвола, а вследствие обстоятельств, которым и подчиняются те, коих считают ее виновниками» [3, 512], – становится главным приемом оценки Толстым ценности той или иной выдающейся исторической личности.

Опираясь на популярные в середине 1860-х гг. политические и философские идеи, Толстой создает в своем романе вполне оригинальную аксиологическую концепцию исторических событий. При этом Толстой не претендовал на стройность философского учения, его в это время больше волновал интеллектуальный и чувственный отклик на важнейшие события недавнего прошлого, чем их систематическое рассмотрение и оценка. «Парадоксальное на первый взгляд сочетание имен Прудона и Ж. де Местра на самом деле вовсе не так парадоксально – особенно в системе Толстого, являющейся не столько системой, сколько сплавом некоторых моральных и философских понятий» [3, 516].

Обдумывая эту систему, писатель анализировал расхожие идеи своего времени и разрабатывал композиционную структуру своей эпопеи. «И в Прудоне, и в де Местре Толстой не искал системы и не интересовался ею. Ему нужен был материал, поддерживающий его «понятия» и помогающий ему осу-

ществить задуманную конструкцию романа. Соответственно новому замыслу, в роман должны были войти рассуждения о войне и военные сцены, противостоящие другому, семейному плану» [3, 516]. Так ценности эпохи переплавлялись в «Войне и мире» в ценности авторской позиции романа, которую не раз упрекали и продолжают упрекать «за высокомерный взгляд на исторических и мировых деятелей и за слишком большое пристрастие к единичной и семейной жизни масс» [2, 109].

Литература

1. Ларин, Б.А. О разновидностях художественной речи / Б.А. Ларин // Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Худож. литература, 1974. – С. 27–53.
2. Страхов, Н.Н. «Война и мир» (по поводу романа гр. Л.Н. Толстого) / Н.Н. Страхов // Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. Составитель В.А. Зелинский. Часть 5. – М., 1905. – С. 108–116.
3. Эйхенбаум, Б.М. Лев Толстой. Книга вторая. Шестидесятые годы / Б.М. Эйхенбаум // Эйхенбаум, Б.М. Работы о Льве Толстом. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – С. 353–559.

Источники

Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой // Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 20 т. Т. 4–7. Подготовка текста Э.Е. Зайденшур. – М.: ГИХЛ, 1961–1963.

D.A. Romanov

Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University
e-mail: kafrus@rambler.ru

Reflection of the value system of the worldview L.N. Tolstoy in the language of the novel «War and peace»

Key words: values, text, vocabulary, semantics, appraisal.

The article discusses the lexical ways of expressing the value system of the worldview of L.N. Tolstoy in the text of the novel «War and peace». The words of moral and ethical semantics are analyzed in terms of their semantic and stylistic transformations in the idiosyncrasy of the writer. The individual philosophical concepts are characterized, which have become sources of the axiological content of the novel.

С.В. Романова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: lanilya83@gmail.com

УДК 17.0

АКСИОЛОГИЯ «ПОЮЩЕГО СЕРДЦА» В «КНИГЕ ТИХИХ СОЗЕРЦАНИЙ» И.А. ИЛЬИНА

Ключевые слова: И.А. Ильин, «поющее и созерцающее сердце», философия жизни, Бог, любовь, оптимизм.

В статье рассматриваются особенности философского мировоззрения И.А. Ильина, которое основывается на христианских принципах и ценностях. В своей книге «Поющее сердце» писатель предлагает действенные практические советы на пути духовного совершенствования. Его философия жизни проникнута оптимизмом, верой в Бога и человека. Истинная вера открывается «поющему и созерцающему сердцу», способного на высокий подвиг любви.

Иван Александрович Ильин является ярчайшим представителем русской философской мысли, духовного «ренессанса» начала и середины XX века. В трудное для России время в 1918 году он защитил диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и сразу же получил степень магистра и доктора государственных наук. Известен исторический факт благотворного вмешательства Ленина в судьбу философа: обвиняемый в принадлежности к контрреволюционной организации, был освобожден после ареста. Однако в 1922 году русского мыслителя Советское правительство выслало на известном «философском пароходе».

Свою книгу «Поющее сердце» о самом сокровенном И.А. Ильин напишет уже в эмиграции. В предисловии к читателю философ предостерегает от рассудочно-холодного чтения: «Надо чувствовать сердцем и созерцать из сердца» [1]. И уже здесь автором намечается путь к духовному восхождению, которое возможно лишь в проявлении любви и участия к другому человеку. Писатель также рассчитывает на встречу с читателем, на его художественное ясновидение, вдумчивое чтение и ответное чувство.

«Книга тихих созерцаний» состоит из пяти частей: «Первые лучи», «Школа жизни», «Дар молитвы», «Посещение», «У врат». Все пять циклов объединены философией любви, которая проистекает из «созерцающего и поющего сердца».

В первом рассказе «Без любви», который представляет собой ответное письмо сыну, И.А. Ильин отмечает, что прожить без любви невозможно, потому что она является главной творческой силой человека [1]. С точки зрения писателя, все великое и гениальное было создано из «созерцающего и